

В. М. Ванюшев
Ижевск

**«Дорвыжы»:
к истории текста книжной, авторской формы
удмуртского героического эпоса**

Поводом для обращения к теме послужил выход в свет в многоцветном оформлении художником В. И. Михайловым книги «Дорвыжы» с параллельными текстами на удмуртском и русском языках [Худяков 2008]. «Дор» по-удмуртски – это Родина, вбирающая в свое содержание не только территорию рождения и проживания человека, но и все духовное начало, связанное с нею, а «выжы» – это родство поколений, корни, уходящие в глубь веков.

Сын русского купца из небольшого вятского городка Малмыж Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936), судя по сохранившейся рукописи, уже в годы учебы на историко-филологическом факультете Казанского университета (до 1918 г.), увлеченный этнографией и фольклором удмуртов, а также великим примером Элиаса Леннрота, начал создавать свое будущее эпическое полотно. Приблизительно в это же время, также по примеру «Калевалы», подобную работу писал и удмуртский ученый и поэт Кузьма Павлович Чайников – Кузубай Герд (1892–1937). Ни тот ни другой издать свои работы не успели. В годы сталинской диктатуры оба были репрессированы и уничтожены. Рукопись гердовского варианта эпоса до сих пор не найдена. Почти целиком (за исключением двух с половиной перебеленных глав из десяти) работа М. Г. Худякова в черновом варианте (без указания даже границ между главами-песнями, без определения места вставок, зафиксированных на полях или в самом конце рукописи) сохранилась в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В 1966 г. рукопись была обнаружена удмуртским литературоведом Ф. К. Ермаковым. Однако путь ее к читателям оказался мучительно долгим [см.: Худяков 1986, 2000, 2004]. Фольклористу и поэту Д. А. Яшину и автору данных строк потребовалось немало усилий, чтобы довести это произведение до широкого круга читателей. Появление подобных текстов в печати отнюдь не приветст-

вовалось властями. Боялись писать историческую правду о межэтнических столкновениях с русскими даже в те далекие историко-мифологические времена. Между тем, как известно, противостояние родов, разноязычных племен – одна из основных конфликтных ситуаций, являющихся ядром классических эпических повествований. Сочинение М. Г. Худякова вполне стоит в этом ряду. В событиях, описанных в них, есть и историческая, и мифологическая основа.

Перед читателем разворачиваются запоминающиеся образы богов Инмара, Кылдысина и Квазя, а также Донды, Идны, Можги-Бурсина, Селты и других батыров, предводителей родов, возникает романтический ореол взаимоотношений богов и людей, гиперболизированный мир повседневности первых людей – освоения ими новых территорий, строительства своих поселений, быта, хлебопашества, охоты, жарких баталий... Кульминацией произведения является публичное сжигание священной книги удмуртов из бересты, в которую по заветам бога Кылдысина с помощью пиктографии (пусов) были записаны из века в век передающиеся молитвы и порядок традиционных обрядов и судопроизводства, а также сведения о наиболее значимых событиях в истории этноса. Инициатором уничтожения книги стал главный хранитель ее – Вэсясь, т. е. жрец, полагавший, что так возможно утаиться от новопришельцев-русских, беспощадно, с жестокостью уничтожавших места молений удмуртов, и делать вид, что местное население уже не придерживается своей старой, языческой веры. Богом Кылдысином такой поступок был воспринят как предательство, и он сделал так, чтобы у этого народа не было положительного будущего. Строчками, полными мрачных раздумий, заканчивается последняя глава произведения М. Г. Худякова. Однако завершается эпическое полотно на оптимистической ноте. Она звучит в «Заключении», призывающем сегодняшних читателей жить по заветам Кылдысина, подражая доблестным батырам, память о которых сделает нас и сильнее, и счастливее.

Такова вкратце внешняя, событийная сторона воссоздания эпического полотна М. Г. Худякова, а точнее сказать, завершения его творческого замысла.

Не менее, а скорее всего, более важна история содержательной стороны текста «Дорвыжы». В рукописи Худякова перечислены темы всех десяти «песен» с указанием, чьими полевыми записями

и публикациями фольклорных текстов конца XIX – начала XX в. автор пользовался при создании той или иной главы. Читаем:

I Песнь о богах, Первухин

II ---// --- о зэрпалах, Потанин, Жаков

III ---// --- о веке Кылдысина, Первухин

IV ---// --- об утраченном счастье [не указывает]

V ---// --- о воплощениях Кылдысина, Первухин

VI Песнь о богатырях Дондинского круга, Первухин

VII---// --- о калмезских богатырях, Гаврилов, Мункачи

VIII ---// --- о борьбе с черемисами, Гаврилов, Кузнецов, Чайников

IX ---// --- о священной книге, Гаврилов, Первухин

X ---// --- о будущих временах, Спицын, Гаврилов [Худяков
Рукопись: 55].

Как можно заметить, автор работы часто ссылается на Первухина. Это не случайно. Николай Григорьевич Первухин (1850–1889), этнограф, фольклорист и археолог, в свое время окончивший Московскую духовную академию, в 1885 г. прибыл в Глазов и стал работать в качестве инспектора народных училищ, параллельно вел научные изыскания. Как отмечают современные авторы, труды Н. Г. Первухина, изданные в 1888–1890 гг. в Вятке в пяти выпусках под общим названием «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда», содержат наиболее полные сведения по этнографии северных удмуртов [Удмуртская Республика 2000: 546]. Особенно добрую службу сослужили М. Г. Худякову публикации Н. Г. Первухина, вошедшие в «Эскиз IV-й. Следы языческой древности в образцах народной поэзии вотяков», куда вошли эпические произведения, в том числе легенды и сказки. Исследователь признается, что легенды им услышаны не в оригинале, а в переводах на русский язык [Первухин 1889: 2]. При этом богатство нюансов сюжета, языковых средств, конечно, было потеряно. О традиционном исполнении речитативом или пением под аккомпанемент крэзя, напоминающего финский музыкальный инструмент кантеле, и говорить не приходится. Сохранялась лишь общая канва фабулы. Но и это неоценимо дорого. Тексты оказались опубликованными, сохранились для будущих поколений, которые, сохранив главное в мировидении народа, могли интерпретировать и излагать их по-своему. Одним из талантливейших интерпретаторов и оказался М. Г. Худяков, использовав-

ший эти записи в качестве фрагментов общего сюжета эпического полотна.

В данном издании Н. Г. Первухина мы находим следующие легенды, использованные Худяковым:

1. «Век Кылдысина», записанная в Поломской волости и использованная Худяковым в третьей главе под тем же названием.

2. «Воплощение Кылдысина», записанная в Ключевской волости, использованная в четвертой песне «Утраченное счастье».

3. Два варианта «Легенды о книге». В первом из них, записанном в Еловской волости, речь идет о том, что с увеличением числа удмуртского населения собираться всем вместе для совершения молитвенных обрядов и судопроизводства стало трудно. Тогда люди сделали книгу из бересты и записали тамгами, как надо богам молиться и суд чинить над провинившимся. Поместили они эту книгу на высоком белом камне и поселили подле него старика-жреца, чтобы он стерег ее. Понадеявшись на книгу, люди все реже стали собираться и приносить жертву богам. Тогда верховное божество Инмар послал на землю большую белую корову, которая во время сна жреца «подошла к белому камню и съела без остатка берестяную книгу, а для того чтобы вотяки не могли вновь написать такой же книги, Инмар отнял у них знание тамг, которое они прежде имели, оставив у каждого на памяти лишь только его собственную тамгу» [Первухин 1889: 14].

Во втором варианте, записанном в Балезинской волости, исчезновение книги связывается с приходом русских в эти края. «Когда русские начали распространять христианство в этом крае, — говорится в публикации Первухина, — они особенно сильно преследовали жрецов, и тогда сторож книги, опасаясь за ее хранение подвергнуться каким-нибудь мучениям со стороны русских, порешил ее сжечь, а чтобы сохранить в памяти народа порядок молить и суда, он призвал к себе 12 молодых учеников и 12 дней и ночей читал им эту книгу, они за ним пели, пока не выучили ее наизусть» [Первухин 1889: 15].

Эти два варианта легенды, контаминировав яркие детали из того и другого, Худяков использовал в песне девятой «Священная книга», которая по сути стала кульминационным моментом всего сочинения. Повествователь худяковского произведения здесь, как и во многих других местах, усиливает лирическую струю, высказывая свое горе по поводу исчезновения такой святыни народа

и отчаянного поступка жреца. Опираясь еще на другой вариант сказания, записанного миссионером Казанского Братства святителя Гурия Б. Г. Гавриловым в д. Гулеково Глазовского же уезда и опубликованный в 1880 г. под названием «Книга» [Гаврилов 1880: 150–151], он углубляет драматизм повествования. Жрец гавриловского варианта рассуждениями, объясняющими свое решение, как бы наталкивает худяковского повествователя на главную мысль произведения: нельзя добровольно сдаваться, предавать самое дорогое для себя лишь ради того, чтобы угодить кому-то другому.

На этом примере хорошо видно, как М. Г. Худяков, используя пунктирную канву народного сказания, подхватывая яркие детали своих предшественников, вдыхает в нее живую душу переживаний, создает бессмертное произведение искусства.

На страницах 8–12 «Эскизов» Н. Г. Первухина опубликован текст под названием «Легенды о богатырях Дондинского круга». Здесь, по-видимому, объединены несколько отдельных сюжетов, записанных в разных местах от разных информантов северного куста и составивших основу людской памяти о житье-бытье богатыря Донды, его сыновей. Эта запись Первухина стала основой одной из центральных глав сочинения Худякова, получившей название «Богатыри Дондинского круга» [Худяков 2008: 65–79]. Мотивы гибели батыра из-за непонимания его второй женой, из-за неосторожности пегого коня и в результате подпиливания свай моста хитрыми врагами, прозвучавшие в ней в связи с судьбой Идны-батыра, присутствуют в песне восьмой «Борьба с порами» сочинения Худякова [Худяков 2008: 91–105], где рисуются отважные подвиги батыра срединных удмуртов Бурсина Можги. Автор эпического полотна имел на это право: данные мотивы были присущи устному творчеству и срединных удмуртов.

Говорить об этом с уверенностью позволяют записи другого предшественника Худякова – научного сотрудника венгерской Академии наук Берната Мункачи (1860–1937), в 1885 г. побывавшего у удмуртов. С помощью выпускника Казанской русско-инородческой семинарии этого же года Николая Иванова ему удалось зафиксировать в оригинале и в 1887 г. в работе «Традиции удмуртской народной поэзии» опубликовать в Венгрии сказание «Калмез бакатырьес» («Калмезские богатыри»). Благодаря тому, что текст был записан в оригинале, появилась возможность су-

дить не только о фабульной основе, но и о художественных достоинствах, в частности, о сочной народной лексике и о заметной ритмической упорядоченности его. Публикация этого текста в оригинале, в переводе Г. Кепеша на венгерский язык и Г. Иванцова – на русский в трехязычной книге «Подарок Мункачи» позволяет убедиться, что глава седьмая «Калмезские богатыри» сочинения М. Г. Худякова является прекрасной поэтической разработкой сюжета, записанного Бернатом Мункачи.

Интересно сопоставить сюжетные ходы произведения Худякова с публикациями эпических текстов других фольклористов и этнографов конца XIX и начала XX вв. Однако оставим это на будущее, коснемся лишь вопроса о соотношениях эпоса М. Г. Худякова и К. П. Чайникова-Герда. В рукописи первого из них утверждается: К. Гердом «сделано открытие, что все записанные [удмуртские народные] сказания представляют собой ни что иное, как части единого эпоса» [Худяков Рукопись: 55 об.]. В другой работе он также писал: «Выдающимся собирателем вотских преданий и песен К. П. Гердом-Чайниковым установлено, что у вотяков существует древний народный эпос „Докъявыл“, и все ранее записанные предания являются лишь разрозненными отрывками этого эпоса». Далее подробно описываются композиционная структура (13 эзов-песен) и сюжетная канва всего произведения. «К сожалению, эпос, записанный К. П. Гердом-Чайниковым, до настоящего времени не напечатан», – завершает свои свидетельства М. Г. Худяков [см.: Ермаков 1998: 55].

Такие признания М. Г. Худякова представляют большой интерес, хотя и вызывают некоторые споры. В частности, современные исследователи считают, что удмуртский эпос, по-видимому, в народе бытовал все-таки не в виде единого текста, а в форме локальных сюжетов, посвященных местным героям-богатырям. Высказываются сомнения и насчет того, был ли на самом деле текст эпоса, собранный или написанный Кузебаем Гердом. Думается, сомневаться на этот счет не приходится, поскольку М. Г. Худяков прямо сообщает, что он заимствовал оттуда отдельные сюжеты. Он пишет: «Из него мы взяли только отрывки – песни о зэрпалах, о небе, о гусях и о волшебных конях, живших в Вале» [Худяков Рукопись: 55]. Не мог же он заимствовать то, чего не существовало! И не мог он писать, что заимствовал, если он этого не делал. Приходится только восхищаться поэтической разработкой дан-

ных сюжетов, в частности, в главах «Утраченное счастье» и «Калмезские богатыри» рассматриваемого нами сочинения. Они прекрасны как своей мифологической основой, так и детализацией сюжетных ходов.

Во внутренней рецензии, написанной при подготовке данной книги, доцент Удмуртского государственного университета Э. А. Тамаркина подчеркивает, что произведение достойно «занять почетное место в ряду известных эпических сказаний народов мира и, в первую очередь, среди наследия угро-финской духовной культуры». Очень хочется, чтобы так и случилось. У нас имеются сведения о том, что именно этот вариант удмуртского эпоса в переводе на финский язык уже помещен в Интернете (<http://www.luli.com/content/5927609>) и вот-вот выйдет отдельной книгой в Финляндии. Не является ли это свидетельством того, что «Дорвыжы» начинает находить признание и за рубежами нашей страны?

Литература

Гаврилов 1880 – Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Записаны, переведены и изложены Борисом Гавриловым во время его командировки в вотяцкие селения Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.

Ермаков 1998 – Ермаков Ф. К. Современники о Кузубае Герде (письма, воспоминания, статьи, записи рассказов). Ижевск, 1998.

Первухин 1898 – Первухин Н. Г. Эскиз IV-й. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Произведения эпические. Вятка, 1889.

Удмуртская Республика 2000 – Удмуртская Республика: энциклопедия. Ижевск, 2000.

Худяков Рукопись – Худяков М. Г. Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания. Российская национальная библиотека. Ф. 828, ед. хр. 18. Рукопись.

Худяков 1986 – Худяков М. Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы: сб. статей. Ижевск, 1986. С. 97–135.

Худяков 2000 – Худяков М. Г. Дорвыжы: эпос / Зуч кылысь эркын берыктиз В. М. Ванюшев // Кенеш. 2000. № 11–12.

Худяков 2004 – Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос / Зуч кылысь эркын берыктиз Ворьявай Василей (В. М. Ванюшев). Ижевск, 2004.

Худяков 2008 – Худяков М. Г. Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос = удмуртский героический эпос / Ред. и коммент. В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; сост., предисловие, вольный пер. на удм. яз. В. М. Ванюшева. Ижевск: Удмуртия, 2008.